

Слава Покровки Седельниковского района была скоротечной. Как вспышка метеорита. В девяностых годах прошлого века под описание героической истории деревни отводили полосы лучшие российские газеты. Сегодня Покровки больше нет, и ее история забыта. Но, я уверен, это временное забвение. Небольшой перерыв перед долгой общей известностью. Она еще станет символом человеческой силы и воли. А на месте деревни появится памятник, к которому пролягут туристские дороги.

чему? А потому, что родители отказывали своим детям в праве на образование - не пускали в школу.

Правда, надо учесть одно обстоятельство: Покровскую начальную школу сократили, хотя детей в деревне еще хватало. Расчет простой: негде будет ребятишек учить - разъедутся быстрее. Цыбуковы с места не двинулись. В школу же их дети не ходили по одной, достаточно тривиальной, причине: не во что было одеть, домотканая одежда и лапти не подходили под разряд школьной формы в шестидесятых. В своей бы деревне сошло, а в чужой? Да и как дети будут бегать за несколько километров по морозу?

В деревню приехала комиссия отбирать детишек. И тогда Яков Антонович, как говорится, встал на дыбы: или вы меня кончите, или я вас, но детей не отдам. Другому бы с рук такое не сошло, но Цыбуков - бывший фронтовик, Родину защищал, с ним, как с другими, обращаться нельзя - народ не поймет.

ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Статья посвящается Григорию Кушмету (1970-2014), абсолютно доброму и совершенно бескорыстному человеку, внезапно покинувшему нас.

ИЗ ПЯТИСОТ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ

Начиналось же все в далекие 30-е годы, во времена формирования колхозов. Через кровь и слезы шла страна к новому сельскому укладу. Неказистые северные пашни Омской области, отвоеванные у болот и вековых лесов страшным трудом, шли в общий котел. На колхозных фермах собирались коровы, ласково называемые хозяйками ведерницами за то, что давали по ведру жирного молока. На конюшни отправлялись выездные жеребцы - гордость каждого справного сибирского мужика - и мерины-работяги. А куда денешься? Не отведешь скотину добром - отберут силой, самого же вместе с семьей увезут на Васюганские болота.

Шли годы, два новых деревенских поколения появилось на свет. При колхозах и совхозах. Казалось, что сельский люд всегда так жил. И везде без исключения - от солнечного Узбекистана до холодной Чукотки. Кто мог догадываться, что оставалась все-таки одна, на всю страну одна, неколхозная деревня - Покровка. Эту тайну берегли пуще атомных секретов. О ней даже в районной газете запрещалось упоминать. Еще бы, вся мощь карательного государственного аппарата не смогла сломить волю темных деревенских мужиков. Страшнее позора не придумаешь.

Однако полвека постоянного морального и экономического давления свое дело сделали - к 1998 году из 500 человек в деревне остались двое: Яков Антонович и Ульяна Ивановна Цыбуковы. Есть еще несколько человек - временные. Лечатся здесь. Мне посчастливилось 16 лет назад провести один темный мартовский вечер 1998 года с Цыбуковыми. Почему темный? Потому что при керосиновой лампе сидели.

Помню, с каким трудом водитель районной прокуратуры вел свой автомобиль по заснеженной улице. Мрачное ощущение. Вместо домов развалины, на месте палисадников разлапистые черные стволы огромных одичавших деревьев. Впереди тусклый огонек - свет из окон жилища «последних могижан». Он неказист - старый пятистенник. Зато внутреннее убранство у любого поклонника старины способно вызвать восторг. Ты сразу же переносишься на 50, а, может, и на столетия назад. Вроде бы как в избу русского крестьянина в музее попадаешь, только в этой, в отличие от экспозиционной, выглядит все не лубочно, а дышит жизнью. Хозяева - колоритны, ни один режиссер, снимая фильм о сибиряках,

не сумел бы подобрать на роли более правдивых фигур.

ДО ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

Глава семьи Яков Антонович, строгий старик, не сразу проникся доверием ко мне. Я уж собирался уходить не солоно хлебавши, а он вдруг потеплел. И потек неспешный рассказ о деревне Покровке, жизнь которой тесно переплелась с его собственной биографией. На памяти 80-летнего деда возраст почти не отразился. Никаких склерозов.

С тех пор как помнит себя, помнит за работой: затемно выезжали на посев, покос, уборку. И затемно возвращались. Течение жизни регулировалось строго соблюдаемыми обычаями. Например, вечером мальчишки укладывают снопы на телегу и, по торопливости, один-другой оставляют на поле. Утром, когда обнаруживаются огрехи, отец снопы поднимать не разрешает: потерянное - Богу жертва - пусть бедные заберут. Бедные же не стеснялись собирать ни снопы, ни колоски, оставленные после жатвы. Для них, для бедных, в селе имелся специально выстроенный обществом амбар, в него каждый крестьянин отсыпал определенную часть зерна. Зерно являлось и резервом на случай неурожайных лет, неудачливости отдельных хлебопашцев: прошел град полосой и выбил посевы. По этой причине ни голодающих, ни воров Покровка с постройки первых домов в 1889 году не знала.

В СТАНЕ ВРАГОВ НАРОДА

К тридцатому покою деревни нарушился. Стали большевики убеждать мужиков вступать в колхоз. Покровцы же, насмотревшись на земляков из соседних Вознесенки и Павловки, раньше на вкус попробовавших новой жизни, не торопились. Сейчас невозможно установить, кто первым заметил, что в колхозное начальство угадывают люди без кола и двора: о своей семье позаботиться не сумели, как же они о чужих людях заботиться будут? Не от Бога это - от Сатаны. Прошел по деревне слух: кто вступает в колхоз, тот записывается в антихристы. Покровцы же сплошь православные. Убежденность в вере так крепко въелась, что Яков Антонович до сих пор уверен: работаешь на производстве, любом, - служишь Сатане.

На бунт, открытый саботаж покровцы не решились, но и не сдались. Молились Богу, смиренно слушали уполномоченных, не спорили с ними, а в колхоз не шли.

В тридцать втором у мужиков отобрали нехитрый сельхозинвентарь - бороны и плуги. С тридцать третьего стали обкладывать непосильными налогами, забирать лошадей. Покровские питались травой и картошкой, но налоги выплачивали исправно.

С тридцать четвертого пошли аресты, высылки на болота. Там косточки многих покровских остались лежать. Люди не возвращались.

Благодаря НКВД самые работающие мужики продолжали исчезать. Село нищало, голодало, редело. Крестьяне не выдерживали единоборства с властью - ломались. Заколачивали дома и уезжали. Есть в этом что-то мистическое: люди сдавались по одному или семьями, но в целом деревня стояла на своем. К началу войны из сотни дворов осталось 40-50, на каждый из которых отпускалось по 20 соток под картошку и по десятине (1,09 га) - под зерно. На той же десятине, вскопанной лопатами, сеяли лен на одежду. В шестидесятых годах, когда большинство населения СССР забыло, как лен мять и сукно ткать, покровские все еще носили домотканое.

Семья с одного надела прокормиться не могла, да и налоги, которые для покровских назначались вдвое большими - деньгами и сельхозпродукцией, никто не отменял. Поэтому мужики все-таки уходили в услужение Сатане - нанимались работниками в колхозы. Меняли собственное сено на зерно.

Во время Великой Отечественной войны мужское население Покровки в большинстве своем ушло на фронт. Вернулись немногие. Яков Антонович в родной деревне появился раньше других. В 1943-м его комиссовали по ранению. От налогов, кстати сказать, его не освободили, но группу инвалидности дали (в 49-м ее сняли).

Пришла пора жениться. Лично для меня его женитьба выглядит крайне загадочной. Рядом в колхозах парней почти нет - все на передовой, девок навалом, выбирай любую, а он за невестой отправился за 60 километров. Его объяснение «Нас Бог свел» меня не устраивает. Думаю, что власти тем, кто живет рядом, сумели внушить неприязнь к покровским, - делается это просто, если в руках весь пропагандистский аппарат.

Яков Антонович при женитьбе нарушил одно вековое крестьянское правило: ищи невесту не в хороводе, а в огороде. Он свою невесту нашел в колхозном клубе. Посмотрел на девок и сразу же выбрал 23-летнюю Ульяну Леганову. Их судьбы в чем-то схожи: Яков Антонович мать потерял в шесть лет, а Ульяна в четыре года осталась без отца, в пятнадцать - без матери. Одна билась.

Ульяне Ивановне в стане врагов народа понравилось: работать приходилось не меньше, чем в колхозе, но ведь выходные были. В дни церковных праздников молились и отдыхали. Денег не водилось - не беда, их и в колхозе не выдавали. Здесь же, в Покровке, без помощи врачей родила четырех дочерей и двоих сыновей.

В начале шестидесятых Ульяну Ивановну и Якова Антоновича лишили родительских прав. Зададимся вопросом: по-

Худо-бедно сам научил сыновей и дочерей счету и письму. Во взрослой жизни им пришлось посложнее, чем остальным, - работа на производстве как у всех и обязательно учеба в вечерней школе чуть ли не с программы начальных классов.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Покровку продолжали давить и в семидесятые годы, когда в классовой борьбе наступило вроде бы полное потепление.

Если рядом с Покровкой тракторист из колхоза пашет поле, то здесь же целый день торчит или председатель, или бригадир: не дай Бог тракторист завернет к Цыбуковым и вспашет им огород - сразу головы полетят. Покровские выделялись не только неприязнью к коллективному труду - они еще и не голосовали. До сих пор ходят легенды, как единоличники уклонялись от голосования. Приедет участковая комиссия с ящиком для бюллетеней в деревню - местные мужики собираются с самогоном и соблазняют: «А не выпить ли нам за праздник?». Председатель комиссии в целях агитации за социализм примет стопку-другую, потом - третью, четвертую, пятую. После шестой он уже бюллетень от ящика не отличает. Таков миф.

На самом же деле деревенские просто уходили в день выборов в лес и там пережидали приезд избирательной комиссии.

Известно, что многие успешные мужчины своим успехом во многом обязаны женам. Мне кажется, пример Якова Антоновича, известного целителя, не изменившего своего мировоззрения перед угрозой превосходящих сил, - яркое тому подтверждение. В девяностых он был чуть ли не мировой знаменитостью: ему писали письма из США, Японии, к нему ехали со всех краев лечиться от всех болезней. Кто был опорой? Жена.

Ульяна Ивановна, - спрашивал я ее, - а вы никогда не пробовали уговорить мужа уехать отсюда? Жить без электричества, без телевизора. Скучно ведь.

- Я как молодой в колхозе нажилась, с тех пор никуда не хочу.

- Летом здесь народу много, но сейчас-то вы, считай, одни. Наверное, и волков хватает кругом.

- Мы же в доме живем, а волк не человек, он не залезет.

Мне в этих словах слышится скрытая жалоба: знаю, в Покровку едут не только больные, но и хмельные: «Дед, ты же богатый, лечишь всех, дай денег». Дед же лечит бесплатно: «Мне Богом дар дан, не могу отказывать людям, хоть и устал уже».

Виктор ГОНОШИЛОВ

P.S. Яков Антонович, как мне сообщали, скончался в 2005 году.